
Как причинное место
оголяя прием,
по дороге из детства
да в родной чернозем,

через яростный вереск
пробиваясь на свет,
словно рыба на нерест —
промелькнула, и нет —

все, что было под кожей,
передам по рядам,
но вот это, похоже,
никому не отдам:

этот флуоресцентный
глаз-алмаз в небесах —
несомненную ценность
для сказавшего «ах»,

этот даже не голос —
хронос, взятый внаем,
полоскавший мне полость
первосортным сырьем,

этот промысел смысла,
исчисление числа
с вящей помощью дышла,
коромысла, весла.

Вот работа для плуга —
я ль не плуг твой, Господь? —
ради воздуха, духа
резать землю и плоть,

быть, покуда не лягу
и легка борозда —
и трудом, и трудягой,
и орудьем труда.

Очнись на востоке, беспечный гайдзин,
отведай сакэ, обездоль апельсин
и вторгнись, как в задницу — клизма
в безмозглую бездну буддизма.

Стань лучше и чище процентов на -дцать,
учись отрицать и на цитре бряцать,
пой мантры на весь околоток,
и пяткой лупи в подбородок.

Частушку на танка сменяй, самурай,
от фудзи фигей и от гейш угорай,
в тени отцветающей сливы
черти иероглиф "пошли вы".

Освой караоке, сёпшуку и го,
поскольку без этих вещей нелегко
найти, матерясь, по компасу
матёрую аматерасу.

Плыви, зарекись от тюрьмы и сумо,
и коль просветленье не грянет само —
прячь в жёлтое море концы, трус,
и съешь обездоленный цитрус,

усни — и проснись в нашей дивной стране,
где я эти строки пишу при луне,
где васи, и маши, и вани —
давно обитают в нирване.

Похожий на цепочку хромосом,
плывет и тает след отсамолётный.
Я был такой: разорванный, бесплотный.
Я был таков: влеком и невесом,
как полевой зверёк под колесом.

Конец — всегда под дых, исподтишка.
Вот так, внезапно расширяясь, кобра
встает, как перевернутая колба
без палева из пыльного мешка:
дрожит и улыбается недобро.

Без компаса, ветрила и весла
любовь творила странные дела.
С одной слезал, как с метамфетамина.
Другая — рассветала, героиня
которой вознесла и унесла,
сказать прямее — попросту спасла.

Я сызнава в строю: любим, люблю.
Храни, Создатель, эту колею.
Восторженно, наивно, непорядок —
но я всерьез планирую вдвоем
пройти по самой радужной из радуг,
ее воздушно-капельным путем.

Сами себе аплодируйте крыльями, птицы!
Город проводит вас в странствие, тысячелиций.
К югу, ребята! Довольно бесцельно носиться
В небе столицы!

Сонмы деревьев, как неделю не бритые спички
Машут ветвями вослед : «До свидания, птички!
Преодолейте, любезные: тучки; кавычки;
Силу привычки».

Перелетая гурьбой за урез горизонта,
Что же вы ищите, шустрые? Бунта ли? Понта?
Не удивлюсь, если попросту воздуха: он-то
И разряжён так,

Чтобы впустить и вместить вас. Так будьте же скоры,
Будьте смелы, поглощая равнины и горы,
Пусть пощадят вас стихии и винтомоторы,
Сети и своры.

Вы-то летаете вольно, а мы, не в пример вам,
Разве что в адских машинах, подобны консервам,
А на земле мы рабы своим грусти и нервам –
Как в Круге первом.

Род человеческий, занят своим аты-батом,
Кесарь, рожденный елозить – завидуй пернатым!
Это они, а не мы, воспаряют к пенатам –
Белым, кудлатым.

Стрекоз узорчатая брысь
здесь фейерверкала надьсь,
жуков взволнованная взвесь
еще вчера камлала здесь,
намедни водомерок бег
еще сверкал.

А нынче — снег,
и режут глаз кристаллы льда
в зеркальном пламени пруда.
А нынче — погляди в окно,
и далее по тексту, но
сперва запомни этот пруд,
воды божественный капут,
как журавлей нагой полет
последний клин вбивает в год,
как ты стираешь со скулы
слезу, заслышав их «курлы».

Вокруг гремело и орало —
вода пустынный пляж орала.
И бились мне в подметки: краб,
худой пакет, помёт, икра.

Волна обрушивалась с мола,
как тара с полок мегамолла,
взрывался пластик и картон
в количестве ста тысяч тонн.

Гранит захлебывался пеной,
и пёр, глуша гагар сиреной,
Горынычем, чей рык трояк —
трехтрубный крейсер на маяк.

И я был выброшен на берег
в одной из пятисот америк.
Свободы раб, простора вор —
я стал вам брат, солёный сор.

Мне довелось — стеноя, горбясь
бежать, обгладывая глобус,
стелиться к точке нулевой,
кипеть — я брат тебе, прибой.

Поджарый рыцарь, образ чей сер —
я брат тебе, горластый крейсер.
Не груз, но глас сквозь муть и жуть
Ты нёс — и это тоже путь.

Не бог весть что — пройти по краю,
но лучшей доблести не знаю.
И я шагал — под грай и вой,
и будто слышал за спиной:

«Не бзди, не парь, не сожалей —
три правила, беглец беспечный.
Сейчас подлечим дух калечный:
иди, смотри, вдыхай, шалей».